

ЭЛНА

АМАЗОНКИ ЧЕРНОМОРЬЯ

Когда-то все Причерноморье, и Южное, и Северное, было территорией свободных женщин, а само Черное море до V в. называлось Амазонским. Об амазонках — девах-воительницах — сообщали почти все античные авторы, но их рассказы долгое время не воспринимались всерьез. Ученые упорно считали мифом саму возможность существования амазонок, хотя древние останки вооруженных женщин, обнаруженные в Крыму, в южнорусских степях и на Кавказе, так же упорно доказывали свою реальность.

И в конце концов, доказали. Археологам и историкам пришлось признать: да, Черное море когда-то действительно было окружено амазонскими землями. К ним относились территории современных Одесской, Херсонской и Николаевской областей, Крыма, Кубани, а также кавказское и "византийское" побережье. Все эти земли регулярно патрулировались вооруженными женщинами, предупреждавшими своих соплеменников об опасности — приближении греческих кораблей.

Именно стычки захватчиков с оборонительными женскими отрядами легли в основу дошедших до нас легенд об амазонках. Греческих колонизаторов привлекала богатая ресурсами земля Причерноморья, но они получили такой отпор береговых защитниц, что назвали эти берега Аксинскими ("негостеприимными").

Тем не менее, народное ополчение часто проигрывает профессиональным и хорошо вооруженным военным. Потому победа осталась за колонизаторами. Когда большинство амазонских племен было уничтожено, Амазонское море стало для греков Эвксинское — "гостеприимным". Уцелевшие аборигены были оттеснены вглубь материка и на север.

На Севере Причерноморья первые колонии появились в VII и VI вв. до н. э. на острове Березань, на Днестровском и Бугском лиманах. Позже греки приступили к освоению Крыма и построили на аннексированных амазонских землях Херсонес, Пантикапей и Феодосию.

Но были ли эти земли на самом деле амазонскими? Согласно легенде, пересказанной Геродотом, амазонки попали на Север Причерноморья случайно. По этой версии, амазонская "страна" располагалась между современным турецким Синопом и аджарским Батумом, именно в эти сказочные места вторглись вначале колонизаторы. В честном бою амазонки были непобедимы, но их можно было взять врасплох с моря. После одной из таких атак греки захватили уцелевших воительниц и собрались увезти их в Элладу, чтобы без помех пользоваться их землей. Однако привыкшие к своим слабым союзникам греки недооценили противниц: вскоре после отплытия тем удалось освободиться и уничтожить корабельную команду. Ветер прибил неуправляемые парусники к крымскому берегу. Не имея возможности вернуться на родину, амазонки поселились в Крыму и смешались с его населением. А населяли Крым тогда скифы.

В нашей науке Скифию принято считать образованием патриархальным, однако многие данные опровергают это. Диодор Сицилийский, например, писал о двух скифских царицах — матери и дочери, — покоривших патриархальные "цивилизации" от Балкан до Каспия и от Северного Причерноморья до Сирии. По его словам, скифские женщины не уступали в храбрости мужчинам, а подчас и превосходили их. Историк Евсевий Иероним, например, писал, что амазонки патрулировали свои

земли не только во всеоружии, но и "...с выставленной напоказ грудью и голыми руками и коленами, вызывая на состязание сладострастия идущих против них мужчин". Эта открытая демонстрация свободы была возможна только в гинекокрации — "нации, где властвуют женщины".

Таким образом, до прибытия южных амазонок на север там уже жили амазонки местные — скифские. Именно они обороняли свои владения от греческих колонизаторов.

По легенде, от союза южноамазонских и крымских племен произошли савроматы — народ, у которого женщины пользовались высоким положением в обществе и семье. Древние историки отмечали поразительное сходство скифского и сарматского языков, обычаев, верований и культуры. Эти народы были так близки, что даже современные специалисты с трудом отличают один от другого. Что же на самом деле представляла собой Скифия? Согласно археологии, савроматы — это и есть восточные скифы, а "скифами" греки называли все племена евразийских степей, объединенные поклонением змееной Богине.

Крылатая змееногая Богиня была прапраматерью доскифского населения Северного Причерноморья: тавров, синдов и меотов. Ее крылья давали свободу, а змееновость символизировала посвященность в глубинные тайны Земли и Воды. Когда в эти места стали переселяться скифы, они отождествили местную Богиню со своей прапраматерью Апи, чье имя восходит к древнему корню со значением "вода".

У народов, поклонявшихся крылатой Апи, захоронения концентрировались вокруг могилы прапраматери или жрицы, почитаемой как сама Богиня. Во главе рода стояли матриархи — пожилые опытные женщины, и счет родства велся по женской линии.

Савроматские женщины и мужчины носили одинаковую одежду, ездили верхом, виртуозно владели оружием и участвовали в боях. Считалось, что замуж эти женщины не выходили, пока не убивали в бою врага. Однако археологические данные опровергли этот миф: в сарматских могилах были найдены останки детей рядом с останками женщин в полном боевом облачении. Это значит, что материнство не зависело от замужества или боевых успехов.

Скифия занимала когда-то не только Крым и все Северное Причерноморье, но и обширные территории от Дуная до Средней Азии. На этой территории еще долго существовала традиция класть оружие в могилы женщин. Это было принято даже в раннем Средневековье, что доказывают археологические находки, в частности, Дмитриевский могильник. Его захоронения принадлежат населению Хазарского каганата IX в. Около 30% женских захоронений сопровождалось оружием, чаще всего топорами. В захоронениях молодых и пожилых женщин оружие помещалось чаще (около 70% всех находок), чем в захоронениях женщин среднего возраста. Самые юные амазонки часто наделались полным комплектом оружия: топорами, луками со стрелами, кинжалами и саблями.

***

Но как же в таком случае матриархальные законы мира и взаимопонимания? Ведь все это оружие предназначалось для лишения жизни, а не сохранения.

Правда состоит в том, что женщины начали брать за оружие только с целью самозащиты. Защищали они свой уклад жизни, свою землю и своих детей от "ци-

визирующего" огнем и мечом патриархата. И прежде всего, они защищали от него своих мужчин.

Ученые давно пришли к бесспорному выводу: мужская психика более подвержена травмам, чем женская. Доказано, что женщины не только менее подвержены стрессам, но и менее чувствительны к боли. К тому же, они быстрее усваивают новую информацию, и как следствие, лучше приспособляются к новым условиям. Ряд психологических качеств позволяет именно женщинам эффективно действовать в экстренных ситуациях.

Обусловлено это, в частности, гендерными различиями в восприятии времени: мужчины воспринимают время линейно, на "их" времени нет зацепок, и потому оно кажется им бесконечным. Именно поэтому мужчины плохо запоминают даты и годовщины. Им трудно приспособиться к новым людям и обстоятельствам, у них затруднено обучение новому (с чем связана, в частности, низкая успеваемость мальчиков в средней школе; к слову, затрудненным восприятием времени объясняется и тот бытовой факт, что мужчины медленнее осознают важность для них отношений с какими-либо людьми и часто осознают ее только после того, как эти люди уходят из их жизни).

Женщины воспринимают время спирально. Они должны многое успеть на каждом из коротких витков спирали, и это стимулирует их сообразительность, приспособляемость, и как следствие, активность.

По каббалистической астрологии, "властитель" знака Девы — Завулон. Он путешествует по морям в поисках новых рынков и новых торговых связей. И подобно ему, Дева проводит жизнь в постоянном активном поиске нового опыта — физического, эмоционального, интеллектуального, делового и психологического. Ей нужно хотя бы раз в жизни попробовать все, и без этого Дева не будет чувствовать себя счастливой.

Но Девы не просто находятся в поиске нового, им свойственно запоминать и обобщать полученный в результате опыт. А это ведет к развитию самого ценного качества любого живого существа — безошибочной интуиции, потому что интуиция есть не что иное, как проанализированный и синтезированный опыт.

Именно подкреплена опытом интуиция подсказала девам в те древние времена: нужно ограждать хрупкую психику их любимых мужчин от посттравматического синдрома и сохранять ее для любви. Поэтому в большинстве племен мальчики получали тихое домашнее воспитание, учились готовить, убирать и воспитывать детей. Они учились доброте и любви, а оружие и сражения традиционно являлись для них табу.

До прихода патриархальных колонизаторов оружие и сражения были табу и для женщин. Племена Богини мирно жили тогда на берегах озер, рек и морей, растили детей и цветы и возделывали землю. Они ни на кого не нападали, и никто не нападал на них. Люди были так близки к окружающей их дикой природе, что входили с ней в полный контакт.

Дикие люди всегда живут в полном согласии с дикой природой. Слово "дикая" мы научены воспринимать как синоним слов "неуправляемая", "неподконтрольная" и "опасная", но не управляемая кем? Неподконтрольная кому? И опасная для кого?

На самом деле дикой называется такая живая сущность, которая не меняет свободу на похлебку. Дикими были, например, предки современных лошадей — тарпаны.

Именно на них без седла ездили амазонки. Дикая сущность приручается единственным способом — добротой, а когда доброта уходит — сущность уходит вместе с ней. И потому тогда, когда дикие люди были добры к дикой природе, она выращивала для них на камнях и скалистых берегах фруктовые деревья, виноград и цветы.

А потом у этих диких мирных берегов появились военные корабли с вооруженными до зубов цивилизаторами. Одна и та же история повторялась повсюду: сначала мирные племена встречали гостей цветами и фруктами. Но в ответ гости грузили хозяев на корабли и отправляли в далекую чужую страну в качестве рабов, а потом жгли их дома, убивали их ручных животных и вырывали с корнями их ручные растения.

Захватчики привозили с собой не только смертельное оружие, но и смертоносные нектар и амбросию, на которые они стали подсаживать лучших из племени. За очередную дозу амбросии лидеры племени сами отдавали захватчикам коллективные земли и богатства, лишая своих детей средств к существованию, а самих детей продавали в рабство.

Люди поняли, что чужеземцы пришли к ним, чтобы лишить их будущего. И тогда они решили встать на защиту своей земли. И сначала на защиту встали женщины. Это решение основывалось на их близости к природе, в которой защитная функция всегда лежит на матерях. В природе самцы млекопитающих никогда не заступаются за других, никогда не защищают маленьких и слабых особей, в лучшем случае они им просто не вредят. Человек не отличается в этом смысле от других млекопитающих, и защита своих детей — природная обязанность млекопитающих матерей. Потому девы встали на оборону своих семей.

В большинстве племен гинекокрации только девочек обучали владению всеми видами оружия своего времени: метанию копья, боевым топором, стрельбе из лука, а также рукопашной борьбе и верховой езде. Однако колонизаторы все наступали, потери защитниц были велики, и людей не хватало. Тогда мальчиков стали обучать военному делу наравне с девочками. Так было у скифов и сарматов. Их дети получали равное образование, их одинаково одевали, а поклонялись они кроме крылатой Богини Апи некому божеству, которое греки позже назвали Андрогинном: одна сторона божества символизировала женское начало, а другая — мужское.

Сейчас установлено, что именно изображения Андрогина с одной женской и одной мужской грудью ввели в заблуждение исследователей и "подтвердили" ложное предположение того, что амазонки отсекали себе одну грудь. Это вроде бы доказали рисунки амазонки со словом "a-mazos" — "без груди". Членовредительство объяснялось тем, что оно облегчало женщинам стрельбу из лука.

На самом деле амазонки никогда не занимались членовредительством. Этот устрашающий миф служил конкретным целям: патриархи запугивали им своих же дочерей и сестер, многие из которых, спасаясь от принудительного брака или других форм репрессии, бежали на амазонские территории. Например, уже в такой поздний период, как VIII в., на территории Моравии существовала крепость Девин. Эта территория женской свободы не раз с блеском выдерживала осаду соседних королев. На ее девственную территорию не допускались подданные соседних королевств, но только мужского пола. Женщин,

бежавших из королевств и спасающихся от патриархальных законов, амазонки с готовностью принимали в свои ряды. Надеясь остановить беглянок, патриархи и придумали для них миф об отсеченной груди.

Но такой миф мог появиться только в обществе, где культивируемый размер женской груди действительно мешал ее хозяйке. Культ большегрудости пропагандируется социальной системой, построенной на женской пассивности, то есть на неучастии женщин в общественной жизни — в событиях вне стен своего дома. Обладательнице роскошного бюста не с руки вести активный образ жизни: заниматься верховой ездой, быстрым бегом, рукопашной борьбой. Лишенная спортивных упражнений, она поневоле становится "слабым полом". Бюст, являясь ограничителем женской активности, сам по себе превращает его обладательницу в носительницу патриархальных ценностей.

В противоположность патриархату, культивирующему женскую пассивность, общество физически активных женщин культивировало доклассический размер груди "яблоко в ладони". Например, у потомков ушедших от Черного моря амазонок — кабардинских горняков — еще долго существовал обычай зашнуровывать грудь тугим корсетом, чтобы быть "безгрудой".

***

Но не отсутствие висячей груди делает женщину амазонкой. И не наличие коня и оружия: захваченные греками девы были лишены всего, но одолели своих обидчиков и овладели их кораблями.

Так кто же такая амазонка, и что именно отличает ее от "слабого пола"?

Не абсолютное, но большинство наших современниц принадлежит к условному типу "женщина цивилизованная", а точнее, "женщина, замученная условностями цивилизации". Именно эти условности, а не ее личные желания, устилают жестким термом ее жизненный путь. И чем больше настоящих желаний и стремлений она подавляет в себе в первой половине жизни, тем неизбежнее она погружается в пустоту и неудовлетворенность во второй половине.

Но если пассивное принятие чужих условий придает ей женственности и делает ее женщиной цивилизованной, то активное их неприятие превращает ее в дикую девственницу. Именно так любители женской пассивности называли когда-то ту, которая упорно не признавала своей вторичности и активно доказывала свою силу всем, кто нуждался в доказательстве.

Амазонки клялись, что лучше умрут, чем потеряют свою девственность, и в то же время сами выбирали себе возлюбленных и заводили детей. Девственность в те времена означала не физиологическое состояние, а свободу самовыражения. И одной из составляющих этой свободы была независимость материальная, ментальная и, конечно, эмоциональная, то есть сила характера и сила духа.

Эта сила и отличала дикую девственницу от женщины цивилизованной: первая не боялась демонстрировать мужчинам свою силу и исходящую из этой силы опасность, а вторая предпочитала восхищаться мужчине своей слабостью и исходящей из этой слабости беззащитностью. Благодаря своей "беззащитной слабости" цивилизованная женщина получала доступ к привилегиям патриархата, который был закрыт для сильной и самостоятельной амазонки.

До сих пор священный долг ци-

Марианна ГОНЧАРОВА

«НЕ НАРАДУЮСЬ!»

визированной женщины состоит в том, чтобы не превосходить мужчин, потому что до сих пор многих из них независимая женщина раздражает, сильная подавляет, а умная напрягает.

Но можно ли не превзойти человека, который не хочет напрягаться? Можно, если сыграть с ним в поддавки. Эта занимательная игра расслабит его и отвлечет от тяжелой мужской доли соответствия светлому образу "настоящего" мужчины.

Женщин, отказавшихся играть в поддавки с мужчинами и этим помешавших им расслабиться и "соответствовать", и сегодня называют амазонками. "Отец истории" Геродот утверждал, что слово "амазонка" означает "мужеубийца". Историки рассказывали, как дикие амазонки сражались с поработавшей их патриархальной цивилизацией. Конные отряды "диких дев" совершали сокрушительные набеги на "цивилизированные" (то есть рабовладельческие) города-полисы от Балкан до Средней Азии. Главной целью этих набегов было возвращение свободы поработавшим "цивилизаторами" людям, и особенно женщинам.

Именно сарматские амазонки нанесли главный удар рабовладельческой системе греческих колоний и сыграли важную роль в гибели античной "цивилизации" на Черном море.

Но зачем они это делали, ведь цивилизация — это естественный этап развития общества?

Мы привыкли считать цивилизацию явлением положительным, неким источником культуры и гуманизма. Но к гуманизму она не имеет никакого отношения: слово "цивилизация" произошло от латинского слова civitas — "государство", которое, как известно, является аппаратом подавления.

Но подавления чего именно?

В цивилизованном обществе человек может успешно функционировать, только постоянно подавляя свои естественные импульсы и эмоции. Таким образом, цивилизация — это подавление естественной природы. Потому-то долг цивилизованной женщины и состоит в том, чтобы не подавлять мужчину своим естественным природным превосходством.

Долг этот достаточно трудноисполним, из-за того что никакие сложные законы цивилизации до сих пор не изменили простого закона природы: власть животворения дана только женскому полу и земле. Эта власть недоступна мужчинам и остается для них тайной за семью печатями. Той самой тайной, которую они всегда стремились разгадать и присвоить.

Чтобы проще было присвоить, сначала нужно обесценить. Чтобы обесценить — сначала нужно подавить. Так правда об амазонках оказалась подавлена грузом ложных легенд и мифов, из-под которых ее оказалось очень трудно извлечь. А истина проста: еще не так давно Земля коллективно принадлежала мирным девам, которых угроза уничтожения превратила в амазонок. Колонизаторы оттеснили их с этой земли, лишили средств к существованию, истребили или ассимилировали в патриархальные культуры. Но надежно защищенные двойной хромосомой X, сводоблюбивые гены диких амазонок дожили до наших дней.

Сегодня они активно просыпаются и возвращают себе отнятые у них когда-то рубежи. И хотя современные амазонки уже не стреляют из лука и почти перестали метать топоры, но они по-прежнему не боятся быть самими собой, то есть превосходить, раздражать, пугать и нервировать. Они не боятся ответственности за свои поступки и их последствия. А когда люди перестают бояться самих себя, они начинают возвращение к данному им от рождения, естественному, но утраченному в течение жизни состоянию, которое называется счастьем.

Книга "То ли луковичка, то ли репка..." вышла в замечательном московском издательстве "Самовар", известном своим бережным отношением к литературе для детей и их родителей, издательстве, которое не только сохраняет и популяризирует лучшую детскую литературу прошлого, но только находит новых талантливых авторов, пишущих для детей, но и тем самым возрождает замечательную моду — моду на СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ.

Автор книги "То ли луковичка, то ли репка..." Валерий Хаит — литератор, журналист, вице-президент Всемирного клуба одесситов, главный редактор одесского юмористического журнала "Фонтан" (в котором я имею мало с чем сравнимую радость печататься), написал книгу о своем аккерманском детстве...

Эта книга — как будто часть меня самой. В ней столько подтверждений моих мыслей, чувств и переживаний! В ней столько узнавания и жизни, что я обязательно должна этим поделиться!

***

Где-то я прочла, что, оказывается, есть два Бога. Один — Бог взрослых, суровый, взыскательный Бог, который вознаграждает или карает по-настоящему. А есть Бог детей. Он снисходителен, так сказать, толерантен, добросердечен, он с чувством юмора и очень радостный. Он покровительствует детям и тем взрослым (как бы взрослым), кто в душе остался маленьким. Он как заботливый родитель ведет таких людей за руку, чтоб они не споткнулись, не ушиблись и правильно переходили проезжую часть, он надевает их даром видеть жизнь, как в детстве, в густых ярких сочных красках и умением его, этот прекрасный мир, описывать. Отсюда я делаю вывод — детство это не только наилучший возраст человека, но и самый классный стиль жизни.

Когда я знаколюсь с человеком, и он симпатичен мне ну прямо не знаю как, я начинаю приставать к нему с вопросом: "А расскажи, какой ты был маленьким". Ну очень хочется это узнать. Очень. Именно потому, что крепнет год от года во мне убеждение, что человек в процессе

жизни не взрослеет, не мужает, не старится или еще что-то там, а просто со временем становится самим собой. И чем меньше он отличается от себя маленького, тем симпатичнее и красивее он мне кажется.

Да и не только мне. Многих моих знакомых и друзей обратила я в эту религию, предлагаю читать книжку В.И. Хаита "То ли луковичка, то ли репка...". И как только я познакомилась с В.И. поближе, мир прямо засиял, заискрился, заиграл вокруг меня, потому что наш рассудительный, ироничный и очень добросердечный В.И. оказался тем самым человеком, кому покровительствует Бог детей, то есть остался тем, о ком писал он в своей маленькой книжке. Тем самым мальчиком, трогательным, благообразным, застенчивым, ироничным, великодушным, мужественным и очень чутким.

Есть люди, на которых смотришь и совсем не веришь, что они когда-то были маленькими, что они валялись дураком и дрались, что замраили от страха или очень тайно кого-то любили. А В.И. — совсем наоборот, он был маленьким и шалил, и не слушался иногда, но все видел, все чувствовал, а главное, понимал, гораздо больше, чем об этом догадывались окружающие.

Понимал, запоминал, сохранил и описал.

***

"То ли луковичка, то ли репка..." — рассказы о мальчике и о том, как интересно и очень нелегко жить на свете, книжка об идеальном состоянии мальчишеской души. О том, как маленький человек постигает истину, пытается понять, для чего он живет на свете.

Никакого особого динамического сюжета в рассказах нет. Их надо читать очень медленно, впитывая в себя каждое слово. Они небольшие, язык прост, но настолько объемный, что чувствуешь, как пахнет морем и летней пылью, слышишь крики чаек и пронзительное чирканье воробьев, видишь, как ослепительно преломляется солнечный луч в мгlistой зеленоватой прохладной воде, чувствуешь, как вечерний морозец щиплет за щеки, и приятную тугую усталость после катка, испытываешь неловкость

и боль, счастье и стыд, а главное, ощущаешь уютный покой и романтичность маленького городка, где мальчик жил.

***

С притихшей душой я читаю эту книжку. Читаю, когда мне особенно трудно, когда болею, когда не спится, когда проблемы или неприятности. Она, эта маленькая лечебная книжечка, оказывает терапевтический эффект. Так в детстве я читала, лежа с ангиной или гриппом, книжки Драгунского, Грина, Бруштейн, Кассила. И теперь моя дочь, когда у нее болит горло или повышается температура, кричит: "Быстрее почитай мне про воробья, про носки или про коньки, или про Альму, или про школу, или про что хочешь из маленькой синей книжечки!".

***

Проза этой книжки ритмичная, легкая и бесшумная, она полна красок, силы, радости и грусти. Уметь печалиться, знаете ли, это ведь тоже талант. Говорят же, что тот, кто умеет чувствовать грусть, тот умеет ценить праздник. Наедине с событиями, в которых много разнообразных людей, красивых и не очень, умных и глупых, серьезных и легкомысленных, но все равно очень интересных и симпатичных, он, мальчик, печальный и в этой своей печали одинокий, поэтому он один, с одной стороны, — а они все, герои его воспоминаний, — там, с другой...

Обаятельная мягкая простая интонация контрастирует с острыми очень недетскими переживаниями. Недетскими и честными. А честность очень повышает в моем представлении человеческую ценность — и тогда, в детстве, и сейчас, в зрелом возрасте.

Не удивительно, что проза в книжке постепенно перерастает в стихи, только поэт может формулировать так напряженно, метко и обнаженно. Чтобы, минуя всякие сомнения, размышления и колебания, чувства, им описанные, попали в самую душу читателя.

Даже не могу представить и не смею описывать, как мог он увидеть и почувствовать, как замечал он, маленький еще, невидимые нити между людьми, нити симпатии

или неприязни, как быстро и безошибочно умел он оценить неловкость положения и нелогичность ситуации, почуять ложь и лицемерие, искренность и любовь. С каким глубочайшим уважением он, ребенок, относился ко всякой жизни, к любой ее форме. Какой теплый легкой юмор и умение описать звуки — стуки, шорохи, удар. Музыку.

***

Эту книжку нельзя читать людям скучным и слишком серьезным. Хотя... Ну попробуйте. Она иногда делает чудеса: например, погружая вас в воспоминания о вашем детстве, превращает унылого взрослого человека в обаятельного симпатичного ребенка... Почитайте ее, и если вы почувствуете тот же холодок под ложечкой от не очень правильного поступка, его, мальчика из книжки, захватывающий азарт, с которым он, слабенький и больной, читал приключенческую книгу, страх при виде чужой собаки, горе и боль, когда погибает живое существо, волнение его при встрече с девочкой, радость, когда он совершает благородный взрослый поступок, когда вы испытаете счастье, его невообразимое счастье от безусловно в те годы царского полученного им от мамы подарка — коньков, настоящих коньков "Снегурок", тогда вы и сами поймете себя на том, что начнете шептать и шептать, как он тогда, обнимая свои драгоценные коньки: "Не нарадуюсь! Не нарадуюсь!".

***

Пора закрывать последнюю страницу, а все гляжу на обложку книги, на холм в старом провинциальном городке, где стоит древняя полуразрушенная крепость, и как будто слышу оттуда голоса мальчишек, во что-то очень увлекательное играющих, я вижу каток, где мальчик наматывает и наматывает круги на своих новых снегурках, я рассматриваю фотографии на форзацах и внимательно вглядываюсь в лицо его мамы.

Я закрываю книжку и уже скачу по нему, этому чуткому мальчику с большими удивленными печальными глазами, угловатому худенькому мальчику, которого Бог детей однажды поцеловал в смешную вихрастую макушечку. Я уже хочу опять читать и перечитывать ее, эту поэтическую прозу о прекрасном времени самых лучших на свете приключений, побитых коленок, теннисных улич, коротких палисадников, достойных, лучших в мире искренних взрослых, непритворного детского горя и всепоглощающего мальчишеского счастья...

Х юбилейный Международной поэтический турнир в Дюссельдорфе

Клуб "Neue Zeiten" и литературное объединение "Шаг навстречу" предлагают всем желающим участвовать в X Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе под девизом:

"Мы будем счастливы, мой друг..."

(We will be happy...) — это строка из стихотворения Наума Коржавина "Письмо в Москву".

Наум КОРЖАВИН

ПИСЬМО В МОСКВУ

Сквозь безнадегу всех разлук,
Что трут, как цепи,
"We will be happy!"*, дальний друг,
"We will be happy!"

"We will be happy!" — как всегда!
Хоть ближе пламя.
Хоть века стыдная беда
Висит над нами.

Мы оба шепчем: "Пронеси!"
Почти синхронно.
Я тут — сбежав... Ты там — вблизи
Зубов дракона.

Ни здесь, ни там спасенья нет —
Чернеют степи...
Но что бы ни было — привет! —
"We will be happy!"

"We will be happy!" — странный звук.
Но верю в это:
Мы будем счастливы, мой друг,
Хоть видов нету.

Там, близ дракона, — нелегко.
И здесь — непросто.
Я так забрался далеко,
В глушь... В город Бостон.

Здесь вместо мыслей — пустяки.
И тот — как этот.
Здесь даже чувствовать стихи —
Есть точный метод.

Нам не прорвать порочный круг,
С ним силой меряться...
Но плюнуть — можно... Плюнем, друг!
Проявим серость.

Проявим серость... Суета —
Все притязанья.
Наш век все спугал — все цвета.
И все названья.

И кругом ходит голова.
Все скучно в мире.
А нам — не скучно... Дважды два —
Пока четыре.

И глупо с думой на челе
Скорбеть, насупясь.
Ну кто не знал, что на земле
Бессмертна глупость?

Что за нос водит нас мечта
И зря тревожит?
Да... Мудрость миром никогда
Владеть не сможет!

Но в миг любой — пусть век колю,
Пусть все в нем drobно,
Она, как солнце, из-за туч
Блеснуть — способна.

И сквозь туман, сквозь лень и спесь,
Сквозь боль и страсти
Ты вдруг увидишь мир как есть,
И это — счастье.

И куда я не ушел.
Вино — в стаканах.
Мы — за столом!..

Хоть стал наш стол —
В ширь океана.

Все тот же пир... и пусть темно
В душе, как в склепе,
"We will be happy!"... Все равно —
"We will be happy!"

Да, все равно...
пусть меркнет мысль,
Пусть глохнут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз,
И мы — с ней вместе.

Ползет на плаху к палачу,
Трубя: "Дорогу!"...
"We will be happy!" — я кричу
Сквозь безнадегу.

"We will be happy!" — чувств настой.
Не фраза — вежа.
И символ веры в тьме пустой
На скосе века.

1977

* Мы будем счастливы! (англ.)

В конце этого года и в начале 2010-го пройдут региональные турниры, на которых будут отобраны призеры, получающие право участвовать в финале турнира в мае 2010 года в Дюссельдорфе.

Друзья! Наш проект "Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе" рассчитан на десять лет — 2001-2010 годы. На протяжении девяти лет мы творили новую поэтическую реальность.

Впереди у нас последний турнир. Этот год нас будет вдохновлять новая строчка девиза, чтобы к концу марафона получить возможность быть по достоинству оцененными.

Нами запланировано в 2011 году издать "Золотую книгу" стихов поэтов, принимавших участие в турнирах.

Мы предоставим вам возможность ознакомиться читателю со своими поэтическими произведениями, не связанными с тематикой турнира.

Президент Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе
Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ

Сайт турнира в Интернете:
www.turnir-poesie.de
e-mail:
Pedakhovskaja@t-online.de
Тел.: 0049 (0) 211 352240